

Деволуция в политико-правовой практике современных государств

Devolution in political and legal practice of modern states

DOI: 10.12737/2587-6295-2023-7-2-53-62

УДК 32.342.1; 32.342.2

Получено: 02.03.2023

Одобрено: 22.05.2023

Опубликовано: 25.06.2023

Кочетков Е.Е.

Канд. полит. наук, доцент кафедры «История», Академии базовой подготовки, ФГАОУ ВО «Российский университет транспорта», доцент.
e-mail: kochetkov.work@gmail.com

Kochetkov E.E.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Department of History, Academy of Basic Training, Russian University of Transport, Associate Professor.
e-mail: kochetkov.work@gmail.com

Аннотация

В статье *рассмотрена* специфика деволюционных процессов в современных государствах. Деволуцию автор определяет в качестве передачи центральными властными структурами части полномочий автономным территориям. Выделены критерии дифференциации децентрализации власти и деволюции. Обзор существующей научной литературы по рассматриваемой проблематике показал, что нет единого мнения среди исследователей на природу феномена деволюции. Автор статьи приходит к *выводу* о том, что деволюция является продуктом глобализации. Представлены векторы реализации деволюции: законодательные полномочия, полномочия в сфере распределения бюджетных средств, языковая политика, этническая политика, внешнеполитические полномочия. Проанализированы системы распределения властных полномочий между центром и регионами в Германии, Италии, Испании, Великобритании. Автором *отмечаются* преимущества и недостатки существующих систем распределения власти. Вместе с тем, на основе *сравнительного анализа* опыта современных государств предложена авторская концепция критериев размежевания процессов деволюции и децентрализации, где ключевым элементом, по мнению автора, является законодательный процесс. При деволюции происходит формирование множества новых центров принятия законов и подзаконных актов. Политико-правовая оптимизация, происходящая при деволюции, способствует стабилизации территориально-политической системы государства.

Ключевые слова: деволюция, децентрализация, федерализм, автономия, регионализм, властные полномочия, законодательная власть, унитарное государство, федерация.

Abstract

The article analyzes the specifics of devolutionary processes in modern states. The author defines devolution as the transfer by the central power structures of part of the powers to autonomous territories. Criteria for differentiation of decentralization of power and devolution are singled out. A review of the existing scientific literature on the subject under consideration has shown that there is no consensus among researchers on the nature of the phenomenon of devolution. The author of the article comes to the conclusion that devolution is a product of globalization. Vectors of the implementation of devolution are presented: legislative powers, powers in the field of collecting and spending budget funds, language policy, ethnic policy, foreign policy powers. The systems of

distribution of power between the center and regions in Germany, Italy, Spain, Great Britain are analyzed. The author notes the advantages and disadvantages of existing power distribution systems. At the same time, based on a comparative analysis of the experience of modern states, the author's concept of criteria for separating the processes of devolution and decentralization is proposed, where the key element, according to the author, is the legislative process. During the revolution, many new centers for the adoption of laws and by-laws are being formed. The political and legal optimization taking place during devolution contributes to the stabilization of the territorial and political system of the state.

Keywords: devolution, decentralization, federalism, autonomy, regionalism, authorities, legislative power, unitary state, federation.

Введение

Актуализация субнациональной легитимности, характерная для множества развитых государств, породила тенденции децентрализации и деволюции как формы передачи центральной властью значительного объема полномочий и ресурсов регионам [10, с. 39]. Все большую значимость приобретает, как указывает И.В. Ирхин, управленческий принцип субсидиарности – «комплекс основополагающих руководящих правил по распределению полномочий и <.> ответственности между вышестоящими и нижестоящими уровнями публичного управления»; реализация данных мер обусловлена, как правило, стремлением эффективизации решения вопросов регулирования социально-экономической системы и «приближения к населению» органов власти [5, с. 161].

Руководствуясь принципом субсидиарности, центральная власть, локальные управленческие структуры и общественность предпринимают попытки нахождения оптимального баланса между централизацией и децентрализацией.

Методы

Важнейшую роль в теоретико-методологическом инструментарии нашего исследования играют теории, концепции и идеи, развиваемые в русле политической регионалистики, общей теории федерализма [16], различные научные парадигмы анализа практики взаимоотношений «центр – регионы» в различных государствах мира, которые так или иначе сталкивались с деволюционными процессами, современные теории территориального управления и регионального развития, концепции местного самоуправления.

Фундаментальное значение для нас имеет теория соучастия, разработанная Д. Дж. Элейзером [21] и выдвинутая им концепция сравнительного федерализма.

Безусловно, многофакторный сравнительный метод является для нашего исследования критически важным, так как с его помощью исследуются особенности взаимоотношений между органами государственной власти, местным самоуправлением и территориальными сообществами в европейских децентрализованных странах.

Обзор научной литературы

Обратимся к дефинициям ключевых понятий, составляющих концептуальное ядро рассматриваемой нами предметной области. Деволюцию можно определить как передачу центральными властными структурами части полномочий существующим автономным регионам; фактически это – повышение уровня управленческой самостоятельности территорий [9, с. 127]. Охарактеризовать деволюцию в качестве исключительно положительной тенденции вряд ли возможно: несмотря на то, что, как показывает реальная управленческая практика, деволюция зачастую выступает «фактором стабилизации политической обстановки в автономном регионе» [9, с. 127], существует масса примеров того, как деволюционные модификации приводили к эскалации внутрисубъектных конфликтов, дестабилизации политико-правовой практике государств и, более того, становились фундаментом для сепаратизма.

Существуют и иные подходы к определению сущности деволюции [12, 15]. В.Г. Шустов, помимо прочих, описывает деволюцию в качестве ситуации, когда «местные вопросы решаются на местах, но законодательство, регулирующее организацию и деятельность местных органов власти, принимается на общенациональном уровне» [17, с. 63]. В подобном контексте деволюция практически отождествляется с понятием «федерализм», за исключением того, что в ситуации деволюции законодательный массив, направленный на регулирование системы региональной и местной власти, утверждается на уровне, максимально приближенном к локальному. Д.Г. Назаретян, в свою очередь, сближает понятия деволюции и автономии в том плане, что деволюцию он определяет, как прямое следствие формирования автономной территории в границах государства; следовательно, деволюция понимается исследователем как переход части властных полномочий к автономному образованию [13, с. 47]; О.Н. Богатырева рассматривает деволюцию в более общем плане – как «переход власти и ресурсов от центральных к субнациональным правительствам» [1, с. 6].

Вместе с тем, ряд авторов рассматривают отдельные аспекты регионализации, так Ю. Шишков подчеркивает связь процессов регионализации с феноменом экономической глобализации. Видя в рыночной экономике и рыночных механизмах причину ускоренной регионализации последних двух десятилетий [18, с. 5].

Представители отечественной политической науки, например, А.В. Манойло [11], В.П. Макаренко [10] при анализе процессов регионализации по большому счету обращают внимание на вопросы сепаратизма и сецессионные процессы, а также защиту национальных интересов и инструментарий противодействия центростремительным тенденциям. Вместе с тем, И.Д. Звягельская, исследуя процессы регионализации в странах Ближнего Востока, справедливо обращает внимание на тот факт, что в последнее время количество акторов в политическом процессе резко возросло, что изменило характер регионализации. По ее мнению, ключевым фактором регионализации сейчас является неформальный способ взаимодействия политических субъектов, нацеленных на извлечение экономической выгоды из процессов регионализации [3, с. 55-56]. Европейские исследователи, особенно из стран, где вопрос регионализации стоит достаточно остро, в спешном порядке пытаются найти методы предупреждения сепаратистских действий со стороны регионов, интересным представляется работы современного французского автора Katharina Crepaz, которая считает, что сохранить территориальное единство помогут два способа: с одной стороны, это рост международной интеграции, а, с другой, это поэтапное, контролируемое внедрение элементов асимметрии в политико-правовую практику сложносоставных государств [22, р. 24]. А J. Bradbury, J. Mitchell рассматривают деволюционные процессы в Великобритании с позиции парламентских дебатов и первоначального изменения законодательных полномочий региональных парламентов [19, р. 287].

Фактически деволюция есть разновидность децентрализации власти – «рассредоточение власти между центром и периферией» [7, с. 73], передача части полномочий центра регионам; при этом деволюция подразумевает также, помимо получения автономии, обеспечение гарантиями переданных «центром» властных полномочий. Рассмотрев существующие научные разработки и примеры реальной управленческой практики, можно представить некоторые ключевые отличия двух категорий (см. табл.).

Результаты анализа

Таблица

Критерии дифференции децентрализации власти и деволюции

Критерий	Децентрализация	Деволюция
<i>Симметрия центробежной диффузии власти</i>	Равномерно распределенная по регионам передача полномочий от центральной власти локальной.	Асимметричность процесса децентрализации; отчетливая варьируемость меры и форм передачи власти между регионами.
<i>Масштаб диффузии власти</i>	Общестрановая системность и однородность тенденций децентрализации.	Решение о деволюции не является системным и не означает автоматическое распространение его условий на другие территории.
<i>Институционализация законодательной власти</i>	Источником законодательной власти остается центральная власть.	Формирование новых территориальных законодательных органов.
<i>Инициатива</i>	Инициатором децентрализации выступает центральная власть.	Инициатива процесса деволюции исходит от конкретного региона и базируется на идее о несправедливости и/или неэффективности существующего порядка управления.
<i>Главенство власти</i>	Центральная власть имеет право отменить меры и решения, принятые региональными/местными властями.	Существующее <i>де юре</i> право центральной власти отменить меры и решения, принятые региональными/местными властями, не реализуемое <i>де факто</i> , чтобы не дискредитировать идею деволюции.
<i>Мотивация</i>	Экономическая	Политическая

Примечание: составлено автором

А.В. Пузаков говорит о том, что ключевым отличием деволюции от децентрализации (регионализации, деконцентрации) является ее внутривластная природа, хотя экономический компонент деволюции, как правило, также весьма важен [14, с. 43]. Кроме того, можно сказать, что разграничение двух концепций наблюдается на уровне типа передаваемых полномочий: административные полномочия передаются в ходе децентрализации (регионализации), тогда как факт полной или частичной передачи полномочий министерств и парламента позволяет констатировать деволюционные процессы. Если следовать вышеизложенной логике, вполне оправданным кажется отождествление терминов «деволюция» и «автономизм». Автономизм в таком контексте можно интерпретировать как политическое самоопределение этнической группы и региона ее локализации посредством создания автономий [9, с. 127].

Деволюция реализуется в пяти направлениях, характеризующих политико-правовой статус автономии: законодательные полномочия, полномочия в сфере сбора и расходования бюджетных средств, языковая политика, этническая политика, полномочия по установлению автономией самостоятельных (в отрыве от общестрановых) международных связей.

Ошибочным будет предположение о том, что языковая и этническая политика являются второстепенными по отношению к иным векторам протекания деволюционных процессов;

напротив, современная геополитическая обстановка располагает рядом показательных примеров того, как наделение этнической или языковой группы особым правовым статусом политической автономии является действенным инструментом удовлетворения этнического меньшинства. Национальный язык, этническая принадлежность и культурная специфика, по мнению Д.Г. Назаретян, являются «особенно чувствительными» сферами и нередко выступают причинами инициирования деволюции [13]. О.Н. Богатырева, в свою очередь, говорит о том, что формирование благоприятных условий для сохранения и развития национальной культуры и языка гражданского меньшинства возможно исключительно в контексте относительной политической самостоятельности [1, с. 6].

Как показывает мировой опыт (и европейский – в особенности), ключевой положительной стороной деволюционных процессов выступает оптимизация модели управления при учете религиозных, исторических, этнических, экономических и иных особенностей автономии.

Обратимся к современным ситуациям и тенденциям, имеющим место в различных государствах мира. Можно сказать, что деволюция в некотором роде является продуктом глобализации: до начала формирования виртуального пространства и так называемой «глобальной цивилизации» «в мире доминировали сильные национальные правительства, а региональные органы управления либо были слабы» [10, с. 37]. В Европе, Африке и Азии национальные правительства главенствовали в течение долгого времени до середины XX в. Если же рассмотреть примеры стран, где действовали федералистские конституции (Бразилия, Мексика, Венесуэла и пр.), можно сказать, что территории, на которые были поделены эти страны, не обладали сущностными чертами автономий или полунезависимых единиц, а федерализм, следовательно, носил исключительно формальный, декларируемый характер. В СССР характер властных отношений имел аналогичную схему: *de jure* страна была совокупностью суверенных автономий, но *de facto* они находились под политическим, культурным, экономическим контролем центра. Некоторая степень регионализма отмечалась в Австралии, Канаде и США, однако, с течением времени полномочия и функции штатов в этих странах сокращались в пользу власти федеральных правительств [10, с. 37].

К концу XIX – началу XXI в. начали все отчетливее проявляться деволюционные тенденции. Независимость получили, в частности, 15 республик, входивших ранее в состав СССР; Чехословакия была разделена на Чехию и Словакию; в пример можно привести и государства «югославского блока». С 1980 г. Бельгия завершила процесс реструктуризации государственной власти и была трансформирована в федеративное государство. Данные тенденции коснулись не только Европы (Эритрея в частности, в 1993 г. получила независимость от Эфиопии; законы об автономии были приняты в Индонезии). Все эти примеры подтверждают наличие общей глобальной тенденции «перемещения власти» на субнациональные уровни [8, с. 38].

Как отмечено ранее, регионализм, федерализация и иные формы децентрализации чаще всего оказываются мотивированы экономическими факторами, тогда как деволюция – политическими, культурными, языковыми и этническими. Тем не менее четкую грань между типами мотиваций или причин провести нельзя – каждая из форм децентрализации власти может протекать под воздействием того или иного фактора либо же их совокупности. Тем не менее статистически в большинстве современных государств деволюция исходит именно из культурно-этнических оснований. А.В. Пузаков, говоря о том, что легитимность территории базируется, в первую очередь, на исторических, этнолингвистических, религиозных и культурных факторах, на основе децентрализации следующих единиц: автономного района Тибета в КНР; штата Чьяпас в Мексике; Шотландии в Великобритании; Корсики во Франции и т.д. [14, с. 39].

В ряде случаев деволюция становится возможна по политическим причинам; к примеру, деволюция может являться закономерным итогом демократизации власти (некоторые современные государства Латинской Америки и отчасти – Испания). Политические факторы также сыграли значительную роль в странах Восточной Европы, когда им пришлось «заново

«открывать» демократию <...> после существования на протяжении нескольких десятилетий коммунистических режимов» [1, с. 7].

Нельзя не отметить и тот факт, что экономические аргументы также способны выступать мотивацией к проявлению субнациональной легитимности («Лига Севера» в Италии, к примеру, является одним из немногих примеров, когда деволюционные претензии к «центру» были обоснованы экономическими потребностями).

Рассмотрим специфику деволюционных процессов в современной Германии. Деволюционные инициативы были характерны для общественно-политической системы Германии сразу же после воссоединения двух частей страны в 1990 г. Необходимость децентрализации была связана, скорее, не с наличием этнических, культурных и лингвистических различий между социальными группами, проживавшими в стране, а с процессами экономической глобализации и неоднородного индустриального развития территорий. Речь в данном случае идет о том, что отдельные регионы Германии стали важнейшими мировыми центрами тяжелой промышленности и машиностроения, что, в свою очередь, привело к дифференциации территории на богатые (Бавария, Гессен) и бедные (Бремен) регионы («земли»); экономически процветающие территории в данной ситуации вполне ожидаемо стремились к получению автономии.

Путь к автономии ими пройден до конца не был, однако, некоторые шаги к регионализации все же были предприняты «центром» в целях ослабления недовольства общественности. Сегодня в Германии функционирует поуровневая система власти, причем региональное «звено» обладает достаточно обширным спектром полномочий. Территориальные единицы, расположенные ниже уровня земель, не обладают политической компетенцией, но, вместе с тем, они способны регулировать все процессы местного значения, а центральная власть, в свою очередь, финансирует их инициативы в ситуациях недостатка средств из местного бюджета [1, с. 8].

Деволюционные процессы характеризуются особенной сложностью в таких государствах Европы, как Италия и Испания. В научном массиве и в политическом дискурсе до сих пор нет четкого понимания сущности и классификации политического устройства, функционирующего в двух странах (встречаются, в частности, такие именованья, как «слабая федерация», «квазифедерация», «сложносоставное унитарное государство» и др.). В части изучения деволюционных процессов в Италии в последние годы определенный интерес представляет статья О.В. Гаман-Голутвиной [2], где она подчеркивает, что «в результате политико-территориальное устройство государства приобретает федеративные черты, но таковым не становится. Политический вариант деволюции предполагает формирование регионального парламента» [2, 11].

В результате конституционной реформы от 2001 г., проведенной в Италии, региональные собрания получили законодательные полномочия, ранее имевшиеся у парламента «центра». Соответственно, делегирование законодательных полномочий позволяет многим исследователям констатировать деволюцию в Итальянской Республике (вместо регионализма, где законодательные полномочия сохраняются за центральной властью). Был зафиксирован, помимо прочего, автономный статус субнациональных единиц. Региональные власти страны при этом обладают административными полномочиями в таких областях, как экология, транспортная система, туризм, культура, образование. Центральная власть, тем не менее, сохраняет право вето в отношении любого решения регионов, что, безусловно, вызывает множество противоречий в реальной управленческой практике и дает основания для того, чтобы не считать подобные территории автономными. О.Н. Богатырева в данной связи говорит о колоссальном числе разногласий, возникающих в период после реформы, причина которых – «переменная геометрия» властных полномочий [1, с. 9]. По мнению итальянского специалиста Д. Беттони, Италию вряд ли можно рассматривать в качестве примера эффективного делегирования власти; более того, реформа привела к тому, что «отношения между государством и местными властями стали сложными и даже склочными» [20, с. 119].

Крайней степенью децентрализации характеризуется современная Испания. Будучи до 1975 г. государством с высокой концентрацией власти «центра», после свержения франкистского режима Испания начала долгий путь к деволюции. В 1978 г. Каталония, Страна Басков, Андалусия и Галисия были признаны автономными; вскоре их ряды пополнили Канарские острова, Наварра и Валенсия. В 1992 г. состоялось подписание Пакта об автономии, позволившего значительно расширить полномочия существующих на тот момент автономных территорий и расширившего полномочия иных областей страны. Данная мера привела к тому, что на сегодняшний день в стране функционирует 17 автономных областей, обладающих равным объемом власти (что также противоречит выделенному нами критерию асимметричности делегирования властных полномочий при деволюции, представленному нами выше).

Автономии Испании имеют, можно сказать, большую степень независимости в сравнении с итальянскими и способны решать не только вопросы местного значения, но и регулировать аспекты общественного устройства и управления, отнесенные к компетенции государства. Модель деволюции, избранная Испанией, вызывает большее количество положительных оценок – в научной литературе ее именуют «прогрессивной», «динамичной», «сбалансированной». По существу конституция Испании позволяет автономиям самостоятельно определять спектр своих полномочий и «забирать» некоторые полномочия у центральной власти. При этом автономии оказывают управленческое влияние и на высшем уровне власти: в общегосударственном парламенте, благодаря наличию эффективной пропорциональной избирательной системы автономии имеют то количество представителей, которое отражает численность их населения.

Государство, по большому счету, сохраняет властные компетенции исключительно в сферах обороны, безопасности, миграционной политики, внешних сношений, правотворчества, а совместная компетенция автономий и «центра» – это сфера труда, экологии, образования, здравоохранения и культуры, но исполнительной властью в данных сферах обладает лишь автономия. В исключительной – законодательной и исполнительной – компетенции автономий находятся вопросы, относящиеся к функционированию социальных служб, туристического сектора, а также связанные с правами потребителей, градостроительством и коммунальным хозяйством [1, с. 10]. Оценивая в целом положительно систему распределения властных полномочий между центром и регионами в Испании, можно сказать, что ей присущи и некоторые недостатки. В частности, данная политико-территориальная система не имеет эффективных координационных механизмов взаимодействия между центром и регионами.

В научных трудах, посвященных деволюции как политико-правовому феномену, как правило, исследователи часто обращаются к ситуации, сформированной в Великобритании. Акты от 1998 г. были утверждены с целью преодоления недовольства регионов Великобритании и, в конечном итоге, максимально усложнили структуру системы государственного управления в стране. П. Лейланд, к примеру, говорит об уникальном феномене «многоуровневой конституции»: деволюция вызвала необратимый процесс многоуровневых конституционных преобразований [8, с. 26]. Приведем в данной связи следующее высказывание автора: «в конституционно-правовом смысле это можно было бы представить так, что каждая нация, входящая в состав Великобритании, отправилась в путешествие, конечная цель которого неизвестна» [8, с. 26]. Сложность и переплетение полномочий региональной и центральной власти в Великобритании привели к необходимости разработки отдельных законодательных актов, посвященных регулированию так называемых «проблем деволюции» [8, с. 40].

Список стран, столкнувшихся с трудностями деволюционных процессов, безусловно, не ограничивается вышепредставленными государствами. Деволюция имеет место, помимо прочих, в Канаде (особый интерес представляет динамика политических процессов в провинции Нунавут, населенной инуитами [4, с. 39], где наблюдается существенное ущемление прав жителей в плане наделения их реальными властными полномочиями);

деволюция отмечается и в Японии, совершающей постепенный переход от управления по принципу регионализма к наделению регионов полным спектром полномочий, характерному автономиям [6, с. 63]; деволюция имеет место и в странах Ближнего зарубежья (Каракалпакстан в Узбекистане, Аджария в Грузии).

Выводы

Таким образом, не существует некоей единой эффективной модели деволюции и универсального «рецепта» создания независимой, но в то же время управляемой автономии. Специфика распределения властных полномочий между «центром» и регионами варьируется в каждой стране, и в ряде случаев деволюция является одним из этапов формирования идеологии радикального сепаратизма. С другой стороны, европейская практика показывает, что деволюционные сдвиги способны стабилизировать общестрановую политическую обстановку и учесть интересы представителей разных культур и этносов.

В любом случае, можно с уверенностью говорить о том, что эпоха государственных устройств с ярко выраженной центростремительной динамикой власти постепенно сменяется эпохой децентрализации, а степень децентрализации исходит из конкретных геополитических, экономических, культурно-этнических условий, существующих в стране.

Литература

1. *Богатырева О.Н.* Процессы децентрализации в европейских странах //Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. – 2018. – №2. – С. 5-20.
2. *Гаман-Голутвина О. Дудаева М.* Центр-региональные отношения в Италии в свете категориальной рефлексии, исторического опыта и испытания пандемией Covid-19 // Международные процессы. – 2022. – Т. 20, № 1(68). – С. 6-37. – DOI: 10.17994/IT.2022.20.1.68.6.
3. *Звягельская И.Д.* Новый регионализм и старые проблемы Ближнего Востока. - Полис. Политические исследования. 2022. № 6. С. 55-66. DOI: 10.17976/jpps/2022.06.05.
4. *Ирхин И.В.* Конституционно-правовой статус территории Нунавут в Канаде (в контексте территориальной автономии) //Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2018. – №2. – С. 38-48.
5. *Ирхин И.В.* Принцип субсидиарности: в поисках баланса между централизацией и децентрализацией (государственно-правовой аспект) //Актуальные проблемы российского права. – 2020. – №11 (120). – С. 160-171.
6. *Кузнецова Т.О.* Система «тодофукен» и деволюция в Японии //Право и управление. XXI век. – 2020. – №16(2). – С. 62-67.
7. *Лебедева М.Л.* Теоретические основы регионального политического процесса //Социально-политические науки. – 2016. – №2. – С. 71-74.
8. *Лейланд, П.* Деволюция в Великобритании: новые аспекты динамики конституционного процесса //Сравнительное конституционное обозрение. – 2012. – №1 (86). – С. 25-46.
9. *Лысенко А.В.* Политико-географические аспекты автономизма в унитарных государствах Западной Европы //Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. География. Геология. – 2013. – №2. – С. 127-134.
10. *Макаренко В.П.* Теория сепаратизма: послышки, аргументы и следствия //Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. - 2006. - № 2. - С. 17-41.
11. *Манойло А.В.* Сравнительный сепаратизм //Международные отношения. - 2015. - № 1. - С. 98-108. - DOI: 10.7256/2305-560X.2015.1.12671.
12. *Матюхина Т.В.* Проблемы деволюции в деятельности региональных органов исполнительной власти в Великобритании //Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2010. – №2. – С. 40-43.
13. *Назаретян Д.Г.* Территориальные автономии в унитарных государствах на постсоветском пространстве: деволюция законодательных полномочий //Вестник ПАГС. – 2021. – №2. – С. 46-55.

14. Пузаков А.В. Децентрализация власти как тенденция и признаки деволюции //Регионология. – 2012. – №3 (80). – С. 37-43.
15. Фадеева Л.А. Идентичность на пересечении интеграции и деволюции: шотландский кейс // Современная Европа. – 2015. – № 5(65). С. 91-99. – DOI: 10.15211/soveurope520159199.
16. Хакимов Р.С. Процессы трансформации российского федерализма на современном этапе //Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. – 2009. – №3. – С. 248-253.
17. Шустов В.Г. Разграничение полномочий между органами государственной и местной власти //Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. – 2012. – №3. – С. 63-70.
18. Шишков Ю. Регионализация и глобализация мировой экономики: альтернатива или взаимодополнение? //Мировая экономика и международные отношения. – 2008. – № 8. – С. 3-20.
19. Bradbury J., Mitchell J. Devolution: Between Governance and Territorial Politics // Parliamentary affairs. 2005. Vol. 58. I. 2. P. 287-302.
20. Bettoni G. Constitutional Reform and Territorial organization in Italy. In: Ruano J, Profiroiu M (eds) The Palgrave Handbook of Decentralisation in Europe. Springer, New York. 2016. P. 103-122. DOI:10.1007/978-3-319-32437-1_5
21. Elazar D.J. Political Science, Geography, and the Spatial Dimension of Politics //Political Geography. - 1999. - Vol. 18. - № 8. - P875–886.
22. Crepaz K. «Europe of the Regions»: An Approach to Counter Separatist Tendencies? //Dans L'Europe en Formation. - 2016. - Vol. 379. - № 1. - P. 24-39.

References

1. Bogatyreva O.N. Processy decentralizacii v evropejskikh stranah [Decentralization processes in European countries]. *Elektronnoe prilozhenie k Rossijskomu yuridicheskomu zhurnalu*. [Electronic supplement to the Russian Law Journal]. 2018, I. 2, pp. 5-20. (In Russian).
2. Gaman-Golutvina O. Dudaeva M. Centr-regional'nye otnosheniya v Italii v svete kategorial'noj refleksii, istoricheskogo opyta i ispytaniya pandemiej Covid-19 [Center-Regional Relations in Italy in the light of categorical reflection, historical experience and the test of the Covid-19 pandemic]. *Mezhdunarodnye processy*. [International processes]. 2022. V. 20, I. 1 (68). pp. 6-37. (In Russian).
3. Zvyagel'skaya I.D. Novyj regionalizm i starye problemy Blizhnego Vostoka [The new regionalism and the old problems of the Middle East]. *Polis. Politicheskie issledovaniya* [Policy. Political studies]. 2022. I. 6. pp. 55-66.
4. Irhin I.V. Konstitucionno-pravovoj status territorii Nunavut v Kanade (v kontekste territorial'noj avtonomii) [Constitutional and legal status of the territory of Nunavut in Canada (in the context of territorial autonomy)]. *Vestnik yuridicheskogo fakul'teta YUzhnogo federal'nogo universiteta*. [Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University]. 2018, I. 2, pp. 38-48. (In Russian).
5. Irhin I.V. Princip subsidiarnosti: v poiskah balansa mezhdru centralizaciej i decentralizaciej (gosudarstvenno-pravovoj aspekt) [The principle of subsidiarity: in search of a balance between centralization and decentralization (state-legal aspect)]. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. [Actual problems of Russian law]. 2020, I. 11 (120), pp. 160-171. (In Russian).
6. Kuznecova T.O. Sistema «todofuken» i devolyuciya v YAponii [The «todofuken» system and devolution in Japan]. *Pravo i upravlenie. XXI vek*. [Law and Management. XXI Century]. 2020, I. 16 (2), pp. 62-67. (In Russian).
7. Lebedeva M.L. Teoreticheskie osnovy regional'nogo politicheskogo processa [Theoretical foundations of the regional political process] *Social'no-politicheskie nauki* [Socio-political sciences]. 2016, I. 2, pp. 71-74. (In Russian).
8. Lejland P. Devolyuciya v Velikobritanii: novye aspekty dinamiki konstitucionnogo processa [Devolution in the UK: new aspects of the dynamics of the constitutional process]. *Sravnitel'noe*

- konstitucionnoe obozrenie* [Comparative Constitutional Review]. 2012, I. 1 (86), pp. 25-46. (In Russian).
9. Lysenko A.V. Politiko-geograficheskie aspekty avtonomizma v unitarnyh gosudarstvakh Zapadnoj Evropy [Political and geographical aspects of autonomism in the unitary states of Western Europe]. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo*. Geografiya. Geologiya. [Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Geography. Geology]. 2013, I. 2, pp. 127-134. (In Russian).
  10. Makarenko V.P. Teoriya secessii: posylki, argumenty i sledstviya [theory of secession: premises, arguments and consequences]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya*. [Bulletin of the Moscow University. Series 18. Sociology and Political Science.] 2006, I. 2, pp. 17-41. (In Russian).
  11. Manojlo A.V. Sravnitel'nyj separatizm [Comparative separatism]. *Mezhdunarodnye otnosheniya* [International relations]. 2015, I. 1, pp. 98-108. (In Russian).
  12. Matyuhina T.V. Problemy devolyucii v deyatel'nosti regional'nyh organov ispolnitel'noj vlasti v Velikobritanii [Problems of devolution in the activities of regional executive authorities in the UK]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD* [Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia]. 2010, I. 2, pp. 40-43. (In Russian).
  13. Nazaretyan D.G. Territorial'nye avtonomii v unitarnyh gosudarstvakh na postsovet'skom prostranstve: devolyuciya zakonodatel'nyh polnomochij [Territorial autonomies in unitary states in the post-Soviet space: devolution of legislative powers]. *Vestnik PAGES* [Vestnik PAGES]. 2021, I. 2, pp. 46-55. (In Russian).
  14. Puzakov A.V. Decentralizaciya vlasti kak tendenciya i priznaki devolyucii [Decentralization of power as a trend and signs of devolution]. *Regionologiya* [Regionology]. 2012, I. 3 (80), pp. 37-43. (In Russian).
  15. Fadeeva L.A. Identichnost' na peresechenii integracii i devolyucii: shotlandskij kejs [Identity at the intersection of integration and devolution: the Scottish case]. *Sovremennaya Evropa* [Modern Europe]. 2015, I. 5(65), pp. 91-99. (In Russian).
  16. Hakimov R.S. Processy transformacii rossijskogo federalizma na sovremennom etape [Transformation processes of Russian federalism at the present stage]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-ekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of the Saratov State Socio-Economic University]. 2009, I. 3, pp. 248-253. (In Russian).
  17. SHustov V.G. Razgranichenie polnomochij mezhdru organami gosudarstvennoj i mestnoj vlasti [Delimitation of powers between state and local authorities]. *Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski*. [State and municipal management. Scholars Notes]. 2012, I. 3, pp. 63-70. (In Russian).
  18. SHishkov YU. Regionalizaciya i globalizaciya mirovoj ekonomiki: al'ternativa ili vzaimodopolnenie? [Regionalization and globalization of the world economy: alternative or complementarity?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations]. 2008, I. 8, pp. 3-20. (In Russian).
  19. Bradbury J., Mitchell J. Devolution: Between Governance and Territorial Politics // *Parliamentary affairs*. 2005. Vol. 58. I. 2. P. 287-302.
  20. Bettoni G. Constitutional Reform and Territorial organization in Italy. In: Ruano J, Profiroiu M (eds) *The Palgrave Handbook of Decentralisation in Europe*. Springer, New York, 2016, pp. 103-122. DOI:10.1007/978-3-319-32437-1_5.
  21. Elazar D.J. Political Science, Geography, and the Spatial Dimension of Politics, *Political Geography*. 1999, V. 18, I. 8, pp. 875–886.
  22. Crepez Katharina «Europe of the Regions»: An Approach to Counter Separatist Tendencies? *Dans L'Europe en Formation*, 2016, V. 379, I. 1, pp. 24-39.